

Приняв всё сказанное Мо Яном, Мо Лю, до этого пребывавшая в прекрасном расположении духа, заметно приуныла.

Во время их путешествия по Тайваню и Хайнаню они вели себя тихо. Глядя на людские потоки, на лица прохожих — то равнодушные, то озаренные беззаботными улыбками, — она не могла сдержать нахлынувшего чувства жалости.

Мо Ян не выпускал камеру из рук: он без устали снимал знаменитые здания и достопримечательности, делая панорамные снимки с охватом в триста шестьдесят градусов.

Он привез с собой несколько жестких дисков огромной емкости. Мо Лю наблюдала за его суетой — он выглядел не как турист, а как человек, приехавший по работе, — и ее брови не разглаживались ни на мгновение.

— Раз уж все равно никто не хочет жить, зачем так цепляться за эти внешние вещи?

— Люди в эпоху апокалипсиса несут на себе то больше, то меньше грехов, но эти плоды искусства и мудрости чисты. Опыт конца света отдалил меня от людей, но мне жаль видеть, как уничтожается то, что невозможно воссоздать. Раз уж чувства вины всё равно не избежать, лучше я сам всё запечатлею. Хотя я знаю, что существуют чертежи и качественные фотографии в сети, и эти снимки по сути своей избыточны... Так что это не одержимость. Я делаю это лишь для собственного спокойствия.

Спокойствие — это хорошо. Лишь бы ты не терял душевного равновесия. Пока есть к чему стремиться, пока есть желания, он не будет искать смерти. По сравнению с другими, Мо Ян был для нее важнее всего.

Поддавшись его влиянию, Мо Лю тоже достала телефон и начала фотографировать красивые виды. Мысль о том, что эта красота скоро исчезнет, причиняла ей боль. Раз уж она не могла спасти людей, то хотя бы сохранит память об этих прекрасных местах.

Лишь добравшись до Гонконга, с его разноцветными неоновыми огнями и величественной панорамой бухты Виктория, Мо Лю, захваченная этой шумной атмосферой, сменила гнев на милость и пустилась в безудержный шопинг. Покупая вещи, она приговаривала:

— Надо набрать побольше, потом такого уже не достать.

Мо Ян, глядя на ее воодушевление, невольно улыбнулся. Хотя сестра до последнего рационально сопротивлялась его теории о конце света, когда дело касалось ее собственного благополучия, она предпочитала верить в худшее.

Это поведение напоминало покупку оберегов в храмах. Если всерьез спросить людей, верят ли они в богов и духов, четверо из десяти категорически отрицают это, один может сказать, что

скорее верит, а остальные отмахнутся фразой вроде «может быть». Но при этом почти все охотно берут в храме талисманы и молятся перед статуями божеств.

Поразмыслив, Мо Ян решил ее остановить:

— Хватит, сестренка. Возьми столько, чтобы хватило на пару лет, а больше не надо — всё равно испортится и пропадет. И вот еще совет: бери всё в сублимированном, порошковом или спрессованном виде, избегай жидкостей. Так удобнее хранить, перевозить, да и срок годности дольше.

В этом был смысл. Услышав рассказы брата о том, как в апокалипсисе люди не могли досыта поесть и с трудом добывали воду, не говоря уже о косметике или уходе за собой, она призадумалась.

Выходит, женщины там стареют мгновенно?

Мо Лю наконец осознала всю тяжесть этой информации.

— Эй, младший брат, подожди, не суетись. Вспомни хорошенько: женщины в то время правда выглядят такими старыми?

— В апокалипсисе женщины и дети — те, кого стоит опасаться больше всего. Когда мы сталкивались с людьми, мы смотрели прежде всего в глаза — они не умеют лгать. Остальное не так важно. Но я советую тебе не забивать голову. Когда наступит конец, мужчины будут ходить с густыми бородами и спутанными волосами, а женщин встретишь редко, и все они будут в грязи. В общем, все — и мужчины, и женщины — будут выглядеть как черные тени в лохмотьях.

Мо Лю опешила:

— До такой степени?

— А как же иначе? Мы жили хуже, чем первобытные люди эпохи Хэмуду. Те хотя бы могли купаться в реке, а у нас в воде вечно копошились мутировавшие твари. Хочешь помыться — сначала полчаса лежишь в траве у водоема и наблюдаешь. Если тихо — снимаешь одежду, бросаешь в воду, пропитыаешь ее, вытаскиаешь и трешься этой грязной мокрой тканью.

Если даже помыться — такая проблема, что говорить об остальном? А она, привыкшая не спать, если не примет душ перед сном, — разве она выживет?

Мо Лю спросила:

— Женщинам ведь еще сложнее, правда? Как они моют голову?

У Мо Лю были густые, красивые волосы, за которыми она тщательно ухаживала. Мо Ян посмотрел на ее шевелюру и искренне посоветовал:

— Лучше состриги их, чем короче, тем лучше. Я вот подумываю вообще налысо побриться. К тому же, я почти не видел женщин, которые могли бы позволить себе мыться. Обычные женщины в апокалипсисе почти не выживают. Либо их утаскивают и съедают, потому что они выглядят чистыми и ухоженными, либо их настигают зомби, потому что они медленно бегают. А еще многие умирают от гинекологических инфекций из-за отсутствия гигиены или от обычного гриппа, так как организм ослаблен.

Это, это...

Мо Лю знала, что Мо Ян не преувеличивает. В истории человечества люди часто становились источником пропитания.

По спине пробежал холодок:

— Слушаю тебя, и жить не хочется. Теперь я прекрасно понимаю твоё желание уйти из жизни всей семьей достойно. Но если они так поступают с женщинами и детьми, не боятся ли те, кто обладает способностями, что человечество просто вымрет?

Мо Ян вздохнул:

— Обычные женщины в апокалипсисе предпочтут умереть, чем рожать, а женщины-эволюты сами не хотят этого делать. Поэтому некоторые из них продвигают план по истреблению так называемых бесполезных людей. Говорят, что с получением способностей жизнь эволюта продлевается, насколько именно — никто не знает, ведь такая особенность наблюдается у мутировавших зверей и растений. Но я уверен, что у них есть способы обеспечить смену поколений. Я был лишь одним из миллионов скитальцев, такие секреты недоступны простым людям.

Жизнь тяжела, Мо Лю вздохнула:

— Даже не знаю, кого винить. Неудивительно, что ты говоришь, что выжившие женщины и дети опасны, но мне они кажутся по-настоящему великими.

Мо Ян был с ней согласен. В мире без законов и порядка каждый день превращается в битву за выживание, и сложно определить, кто здесь хороший, а кто плохой.

— Да, в том уродливом обществе потенциал каждого человека раскрывается до предела. По пути к девственным лесам на юго-западе мы слышали легенду об одной женщине, которую

называли Кровавой Матушкой. Она была из тех немногих обычных людей, что смогли устроиться неплохо. Она обучалась боевым искусствам на горе Эмэй, мастерски владела кинжалом. Вскоре после начала апокалипсиса она захватила утес, выбив оттуда монахов из даосского храма. Вокруг храма она вырыла рвы глубиной два метра и шириной три, наполнила их илом и пустила по ним горную воду. Она жила в храме, и если кто-то пытался перекинуть мостки, она оглушала их, тащила внутрь и пускала на мясо, оставляя лишь искру жизни, чтобы разделять заживо. Человеческую кожу она вымачивала в целебных травах, сушила и шила из нее одежду. Кроме волос и обуви, она всегда была с ног до головы в белом, поэтому ее называли еще Снежной Матушкой. Поскольку товара было в избытке, она открыла магазин одежды и лавку с тушеным мясом. Сама она человечину не ела, но принимала бартер. Говорят, вкус у того мяса был неплохой. Я даже видел людей, носивших одежду, купленную у нее — крой был весьма достойным. Неудивительно, что слава о ней дошла даже до нас. Сестра, подумай сама: даже если вначале находились глупцы, которые шли к ней на убой, то потом, когда слухи разлетелись, кто рискнул бы лезть в пасть к зверю? Откуда у нее брался постоянный поток товара?

Мо Лю, замороженная рассказом, машинально ответила:

— Верно. Даже если бы она сама выходила на охоту, ей не под силу было бы столько перетаскать, не говоря уже о разделке, варке и шитье. Времени бы физически не хватило.

В то время их спутники по бегству подстрекали их сходить к Кровавой Матушке, посмотреть на это зрелище. Но и он, и Сяо Цин понимали, что это место — обычная бойня. Будучи в меньшинстве, они боялись, что их самих свяжут и пустят на фарш, поэтому поспешно покинули ту территорию.

Позже они пришли к выводу: скорее всего, те, у кого не было условий для готовки, приносили ей пойманных людей, чтобы обменять их на тушеное мясо и одежду. Не исключено, что среди тех, кто звал их посмотреть, были вербовщики, искавшие новых жертв.

Мо Ян добавил:

— Она жила своим ремеслом. А те, у кого не было навыков, но хотелось поесть и согреться, что могли сделать? Только объединяться, обманом или силой ловить одиночек и проигравших, чтобы сдать их ей на убой.

При мысли о том, что это за тушеное мясо, Мо Лю едва сдержала тошноту.

Они замолчали. Чтобы отвлечься, они снова погрузились в выбор товаров. Мо Лю заметила, что Мо Ян набрал несколько банок солнцезащитного крема и спрея:

— Это себе?

— Да, возьму на пробу, посмотрю, что лучше, а потом закажу оптом через интернет.

Мо Ян помахал тюбиками:

— Раз уж мы заговорили о магазине Кровавой Матушки, я решил запастись защитой. На юго-западе, ближе к высокогорьям, ультрафиолет очень сильный. Для молодых женщин это предмет первой необходимости. Будь то влиятельная женщина или эволют — такой подарок станет отличным поводом для налаживания связей. Будем раздавать бесплатно, да и нам самим пригодится.

Мо Лю в косметике разбиралась отлично. Она заменила его выбор на более качественные варианты:

— Бери с высоким SPF. Если уж собрался задабривать важных особ, бери самые популярные бренды. В том, что касается женщин, просто скажи мне цель, остальное предоставь мне.

Утомившись, они зашли в чайный ресторан.

Мо Лю с грустью смотрела на закуски:

— Какая вкусная еда... А через полгода ее не станет. Хочу научиться готовить. И еще один вопрос: ты сказал, что Кровавая Матушка выжила благодаря своему ремеслу. Может, и нам стоит освоить что-то, что пригодится в апокалипсисе?

Мо Ян на самом деле думал об этом, но его мысли были заняты другим — как обрести сверхспособности.

<http://bllate.org/book/20034/1977656>